

Научная статья

УДК 340.11

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14452>

Original article

АВТОНОМНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

AUTONOMY AS A CRITERION OF LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS APPLICATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL RIGHTS

Елена Олеговна ФЕДУРУК

Санкт-Петербургский государственный университет,
zakonfedoruk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7073-6556>

Информация об авторе

Е.О. Федорук — практикующий юрист, соискатель
СПбГУ

Аннотация. В статье рассматривается понятие автономности применительно к искусственному интеллекту (ИИ) в контексте нормативного регулирования и позиций исследователей, ссылающихся на автономность как неотъемлемую характеристику ИИ. Автономность, способность становиться автономным, возможность действовать автономно и так далее в различных вариациях — критерии, которыми авторы традиционно наделяют ИИ. Лишь некоторые исследователи не используют терминологические конструкции, связанные с автономностью/автономией применительно к определениям ИИ. При этом ряд исследователей, руководствуясь критерием автономности, делают выводы о необходимости надления ИИ особым статусом, который, возможно, обусловит и юридическую ответственность ИИ. Вследствие развития указанных мнений наука не только не сформировала единое понимание автономности, но

- и с течением времени стала рассматривать ее как нечто
- само собой разумеющееся при описании ИИ.
- Автор статьи приводит собственную точку зрения по
- вопросу автономности и неспособности ИИ обладать
- правосубъектностью и выступать в качестве автора.
- Предлагается придерживаться более широкого понима-
- ния автономности, чтобы исключить очевидные терминологические ошибки, приводящие к надлению ИИ юридическими характеристиками, которые не могут быть
- ему присущи в силу отсутствия у него автономности как способности существовать без каких-либо источников
- энергии, созданных/дополненных человеком.
- Также понятие автономности рассмотрено применительно к критериям, которыми руководствовались
- в 2021 г. патентное ведомство ЮАР и суды Китая и Австралии при вынесении решений о надлении ИИ правами автора/изобретателя. Наиболее подробно мотивировку обосновал Федеральный суд Австралии, выступивший за более широкий взгляд на понятие «изобретатель» (*решение отменено в 2022 г. судом апелляционной инстанции*). К этому логично было бы добавить более широкий взгляд и на понятие «автономность», при применении которого вряд ли можно было столь смело
- утверждать, что именно ИИ без «дополнительного участия человека» способен стать автором или вообще
- существовать.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, правосубъектность, автономность

Для цитирования: Федорук Е.О. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 90–97; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14452>

Elena O. FEDORUK

St. Petersburg State University,
zakonfedoruk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7073-6556>

Information about the author

E.O. Fedoruk — practicing lawyer, St. Petersburg State University applicant

Abstract. The article examines the concept of autonomy in relation to artificial intelligence (AI) in the context of regulatory regulation and the positions of researchers referring to autonomy as an integral characteristic of AI. Autonomy, the ability to become autonomous, the ability to act autonomously, and so on are the criteria that the authors traditionally give to AI. Only some researchers do not use terminological constructions based autonomy in relation to AI definitions. At the same time a number of researchers, guided by the criterion of autonomy, draw conclusions about the need to endow AI with a special status, which, perhaps, will also determine the legal responsibility of AI. As a result, the science did not form a unified understanding of autonomy, and began to consider it as a matter of course when describing AI. But the inability of AI to have legal personality and act as an author is based exactly on the absence of the real autonomy.

The concept of autonomy is also considered in relation to the criteria that guided the Patent Office of South Africa and the courts of China and Australia in 2021 when making decisions on granting AI the rights of the author / inventor (in Australia, the decision was overturned by the court of appeal in 2022). The most detailed decision was justified by the Federal Court of Australia, used a broader view of the concept of “inventor”. To this it would be logical to add a broader view of the concept of “autonomy”, in the application of which it was hardly possible to assert that it was AI, without “additional human participation» that could become an author or even exist.

Keywords: artificial intelligence, copyright, legal personality, autonomy

- **For citation:** Fedoruk E.O. Autonomy as a Criterion of Legal Personality of Artificial Intelligence and Its Application in the Field of Intellectual Rights // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2). P. 90–97;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14452>

В резолюции Европарламента P8_TA-PROV (2017) 0051 «Нормы гражданского права о робототехнике» искусственный интеллект (ИИ) определяется как «небиологическая автономная киберфизическая система, способная взаимодействовать с другими аналогичными системами, самообучаться, адаптировать свои решения, действия и поведение в соответствии условиями среды» [1]. В данной же резолюции предложены характеристики «умного робота»: способность становиться автономным, используя сенсоры и/или обмениваясь данными со своей средой (совместимость); способность обмениваться этими данными и анализировать их; способность самообучаться на основе приобретенного опыта и при взаимодействии (опциональный критерий); наличие по меньшей мере минимальной физической поддержки; способность адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды; отсутствие жизни с биологической точки зрения (п. 1 Общих положений, касающиеся развития робототехники и искусственного интеллекта для гражданских нужд) [1]. Российские нормативные регламенты для развития искусственного интеллекта определяют автономность (в различных ее вариациях) в качестве приоритетного критерия и стратегически важного условия создания универсального «сильного» ИИ: фундаментальные научные исследования должны быть направлены на создание принципиально новых научных результатов, в том числе на создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, и решение иных задач, предусмотренных настоящей Стратегией, включая реализацию следующих приоритетов: а) алгоритмическая имитация биологических систем принятия решений, в том числе распределенных коллективных систем, таких как пчелиный рой или муравейник; б) автономное самообучение и развитие адаптивности алгоритмов к новым задачам; в) автономная декомпозиция сложных задач, поиск и синтез решений (п. 30 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019). При этом в п. 5 Национальной стратегии в качестве перспективных методов ИИ указаны в том числе методы, направленные на создание принципиально новой

научно-технической продукции, в том числе в целях разработки универсального (сильного) искусственного интеллекта (автономное решение различных задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, алгоритмы решения задач на основе данных с частичной разметкой и (или) незначительных объемов данных, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных и другие методы).

Автономность, способность становиться автономным, возможность действовать автономно и так далее в различных вариациях — критерии, которыми авторы традиционно наделяют ИИ. При этом сложно найти единство в том, что под понимают под автономностью и в каком контексте применять это понятие к ИИ, его системам, умным роботам и т.д. Так, Я.В. Гайворонская и О.И. Мирошниченко, основываясь в том числе на критерии автономности, актуализируют вопросы правосубъектности ИИ и акцентируют внимание на автономности как на одной из ключевых его характеристик: раньше «машины не были способны осуществлять автономную или полуавтономную деятельность», но «в последнее время появляются новые ключевые характеристики электронных лиц, основанных на ИИ», среди которых выделяют следующие: «автономность, самоорганизация, способность к обучению и самообучению, способность к “разумному” мышлению и поведению, эмоциональный интеллект и другие признаки потенциально возможного сильного ИИ» [2, с. 197].

А.В. Степанова пишет об «автономных решениях», которые роботы будут принимать «в обозримом будущем» [3, с. 63]. Эти суждения, с одной стороны, подчеркивают скорость развития ИИ, но с другой, ведут к признанию возможности наделяния ИИ правосубъектностью, в основу которой будет положена автономность.

В.А. Шестак и А.Г. Волеводз, рассуждая о перспективах «сложной внутренней работы и автономных возможностей алгоритмов машинного обучения», приходят к выводу, что «последние могут достигать результатов, которые люди не в состоянии объяснить» [4, с. 203].

С.М. Солайман использует критерий автономности (наряду с самосознанием и самоопределением) для сравнения юнита искусственного интеллекта и животного, подчеркивая, однако, что у животных и у роботов отсутствует такой критически важный элемент правосубъектности, как способность осуществлять права и обязанности [5, с. 176].

Рассуждая о возможности применения концепции коллективного субъекта права к электронному лицу, П.М. Морхат [6, с. 65] ссылается на правосубъектность, которая, с одной стороны, неизменно связана с автономией личности, но, с другой, не предоставляется исключительно человеку, законом она распространена и на нечеловеческие субъекты, такие как корпорации [7]. Если обращаться к законодательным инициативам, то Европарламент в подп. f п. 59 своей Резолюции от 16 февраля 2017 г. 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 высказывает рекомендацию «о наделении в перспективе роботов особым правовым статусом». «Таким образом, по меньшей мере наиболее продвинутые автономные роботы могут создаваться как электронные лица и нести ответственность за причиненный ими ущерб в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами» [1].

Ряд авторов используют критерий автономности применительно к вопросам ответственности ИИ. Так, Н.В. Крысанова наряду с пробелами в правовом регулировании связывает проблему возложения ответственности за негативные последствия ИИ с автономией и непрозрачностью ИИ-систем и это указывает в качестве одной из причин, по которым системы ИИ могут быть признаны лицами с точки зрения права [8, с. 25]. «Робот в плане своей автономности, обладания искусственным интеллектом и самообучаемости является уникальным объектом правоотношения, требующим специального подхода — подхода коллективной ответственности изготовителя, оператора, собственника и пользователя», — заключают исследователи из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [9, с. 89].

Наконец, стоит отметить весьма определенный прогноз А.В. Поповой, С.С. Гороховой и Г.М. Азнагуловой о «трансформации фундаментальных основ правовой системы, которая, как уже прогнозируется в российской и зарубежной научной литературе, пополнится новыми субъектами права, автономными от людей, с собственными правами, обязанностями, ответственностью и потенциальной возможностью конкурировать с человечеством, совершать правонарушения и деликты». При этом в отношении людей авторы ссылаются на автономность применительно

к воле: «...принцип автономности воли должен обеспечить возможность для граждан принимать обоснованное, не принуждаемое решение об условиях взаимодействия с роботами» [10, с. 38, 41].

Некоторые авторы, напротив, не используют терминологические конструкции, связанные автономностью/автономией применительно к определениям ИИ. Так, И.В. Понкин и А.И. Редькина понимают под ИИ искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему (электронную, в том числе виртуальную, электронно-механическую, био-электронно-механическую или гибридную) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия [11, с. 95]. Тем не менее именно со способностью к саморазвитию и перспективами возникновения собственных потребностей и целей ученые связывают даже криминологические риски применения искусственного интеллекта [12, с. 136; 13, с. 771–773].

Это лишь ряд исследований и часть законодательного видения (российского и европейского), связанного с развитием ИИ, в частности с его автономностью. Последнее свойство упоминается в подавляющем большинстве характеристик (и даже определений) ИИ, причем указывается оно как само собой разумеющееся, подчеркивающее самостоятельность, «разумность» ИИ, ИСИ (искусственного сверхинтеллекта), «умных роботов», сильного интеллекта и т.д. Но все же стоит ли трактовать автономность как некое естественное и неотъемлемое свойство ИИ? В условиях усложнения, децентрализации, автономизации технологий искусственного интеллекта установить контроль человека над определенными результатами становится все труднее. Однако действительно ли автономность как свойство ИИ аналогична той, которой обладает человек, носитель естественного разума, самостоятельно существующий в условиях объективной реальности?

Если понимать автономность ИИ исключительно в рамках принимаемых им решений, то, сравнивая со свойствами человека, можно провести параллели разве что с биологическими процессами, связанными с мышлением. Автономная (вегетативная) нервная система человека — это комплекс центральных и периферических клеточных (нейронных) структур, регулирующих функциональный уровень организма, необходимый для адекватной реакции всех его систем. Если рассматривать автономность в философском плане, то ее определяют как характеристику высокоорганизованных, прежде всего живых и социальных, систем, означающую, что функционирование и по-

ведение таких систем определяется их внутренними основаниями и не зависит от воздействия внешнего окружения [14]. Психологи рассматривают это понятие с позиции личности: «Автономность в научной литературе приравнивают к свободе, самоуправлению, суверенитету, достоинству, целостности, независимости, ответственности, самоуверенности, критическому размышлению, свободе от обязательств» [15, с. 133]. Однако если еще больше расширить границы понимания автономности — в глубинном ее представлении, то очевидно, что это самостоятельное и независимое существование живого существа в природных условиях. Результаты пребывания в природе, в частности, человека зависят от его способности определенное время без посторонней помощи обеспечивать свои жизненные потребности в еде, воде, тепле, используя только имеющиеся запасы или дары природы. Человек со времен своего появления на Земле эволюционировал, приспособляясь к окружающему его миру и покоряя его. Собственно, и электричество, без которого не сможет существовать ни один, даже самый «сильный» ИИ, отнимает у него всякие проявления автономии (в широком плане). И даже если предположить возможность переработки естественных источников энергии в электрические импульсы, это тоже всего лишь следствие естественных процессов развития человека, но не робота; естественного, но не искусственного интеллекта.

Без оглядки на широкое понимание автономии именно как самостоятельного выживания в естественных природных условиях не имеет смысла говорить об автономных решениях и вообще о самостоятельности ИИ. Как телескоп, радиоприемник или самонаводящаяся ракета, ИИ — это лишь производное естественного разума человека, и заигрывать с понятием «автономности» по отношению к свойствам ИИ представляется не только неестественным, но даже вредным. Потому что именно такие выводы исследователей, подкрепленные рассуждениями об управлении со стороны ИИ и его очевидном воздействии на окружающий мир, порождают дальнейшие утверждения о необходимости правовой регламентации деятельности самого ИИ [16, с. 25], а не человека, его запрограммировавшего (в том числе на самообучение, «принятие» решений и условное воздействие на окружающий мир). Возникают теоретико-правовые конструкции юнитов, электронных лиц, даже дается гражданство человекоподобным роботам [17]. Но что будет, если просто отключить электропитание у ИИ? Смогут ли функционировать программные коды в софт-оборудовании ИИ? Имеем ли мы право столь легко манкировать понятиями автономности применительно к отдельным элементам ИИ, но за-

крывать глаза на его глубинное понимание? Да и если предположить возможность ответственности для носителей ИИ как квазисубъектов права, она будет заключаться исключительно в том, чтобы вынуть из микросхемы источник питания.

Если электричество на планете Земля «закончится», человек по-прежнему сможет вставать с первыми лучами солнца и обеспечивать свою жизнедеятельность из естественных источников и воспроизведение — также без посторонних воздействий. Он сможет, как тысячи лет назад, использовать угольки, чтобы нарисовать рисунок на скале, или даже свои ладони (первый «музыкальный инструмент»), чтобы отбить ритм для сочиненной им мелодии. Применительно же к современным реалиям и в связи с развитием ИИ творческое начало при создании произведений все больше уходит на второй план. Гораздо больший интерес вызывают технические процессы при их генерации. При этом также становится трудно определяемым критерий новизны, поскольку при наделении ИИ авторскими правами сложно проанализировать, сгенерировал ли он произведение, скомпилировав загруженную в него информацию и применив заложенные разработчиками алгоритмы, либо на основе имеющихся знаний смог спроектировать действительно уникальный и новый продукт. Полагаю, о полной автономности и самостоятельности ИИ, как и об уникальности генерируемых им произведений, все-таки, речь вести рано.

Тем не менее при вынесении решений о наделении ИИ правами автора/изобретателя патентное ведомство ЮАР и суды Китая и Австралии применяли различные критерии, как связанные с качеством автономности ИИ, так и не связанные с ним. Критерии, положенные в основу при признании за ИИ авторства, подробно рассмотрены автором настоящей статьи в более ранней публикации [18]. Очевидно, что пальма первенства за наиболее революционное обоснование авторства ИИ на сегодняшний день принадлежит Федеральному суду Австралии, который довольно глубоко погрузился в процесс «создания» произведения системой ИИ: «При обучении искусственной нейронной сети все ее данные и пороговые значения изначально устанавливаются случайными. Обучающие данные подаются на входной слой и проходят через последующие слои, умножаясь и складываясь сложным образом, пока не поступают в преобразованном виде на выходной слой. Во время обучения данные и пороговые значения постоянно корректируются до тех пор, пока обучающие данные с одинаковыми метками не будут постоянно давать одинаковые результаты. DABUS можно описать как самоорганизующийся кумулятивный результат алгоритмов, совместно по-

рождающих сложность. DABUS генерирует новые шаблоны информации, а не просто связывает шаблоны. Кроме того, он способен адаптироваться к новым сценариям без дополнительного участия человека. Кроме того, программное обеспечение искусственного интеллекта самособирается. Таким образом, это не просто программа, созданная человеком, которая затем генерирует спектр возможных решений проблемы в сочетании с алгоритмом фильтрации для оптимизации результата. Кроме того, можно сказать, что DABUS в некотором смысле имитирует аспекты функционирования человеческого мозга. Не следует относиться к понятию «изобретатель» узко. Это будет препятствовать инновациям не только в области компьютерных наук, но и во всех других научных областях, которые могут извлечь выгоду из результатов системы искусственного интеллекта» [19]. К данному подходу суда, ратующего за более широкий взгляд на понятие «изобретатель», непременно хочется добавить также более широкий взгляд и на понятие «автономность», при применении которого вряд ли можно было столь смело утверждать, что именно ИИ без «дополнительного участия человека» способен «сделать» вообще хоть что-либо. 13 апреля 2022 г. апелляционная инстанция Федерального суда Австралии отменила первоначальное решение, указав, что патент выдается именно на результаты человеческого труда и идеи, возникшие в сознании одного или нескольких людей, а не машины и что действующее законодательство Австралии не допускает оформления патента на машину, которая не может иметь имени, адреса и правоспособности [20].

Несмотря на популярность бытующих в научном мире концепций относительно самостоятельности ИИ, его автономности и как следствие наличия у него правосубъектности и не оглядываясь на уже ставшие знаковыми в международной правоприменительной практике решения, признавшие авторство за ИИ, хочется призвать исследователей к более глубокому и, возможно, глобальному пониманию автономности. ИИ не может существовать автономно, без технологий, разработанных и внедренных человеком. Даже если рассматривать ИИ как некую «умную» надстройку над технологическими решениями (как, скажем, венец технологического совершенства), не будь у него рукотворного энергетического потенциала, он не смог бы обеспечить себя и минимальным питанием. Тогда как можно говорить о его автономии? Простота этой концепции настолько очевидна, что удивительно, почему ее не принимают во внимание. Или, быть может, кому-то удобно закрыть глаза на столь банальные вещи? Будем надеяться, ответ найдется, причем в очень скором времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies
2. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9. С. 196–203.
3. Степанова А.В. Проблематика правосубъектности искусственного интеллекта // Символ науки. 2020. № 2(12). С. 62–67.
4. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 197–206.
5. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. No 2. P. 155–179.
6. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.
7. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics // Nishith Desai Associates, May, 2018. — URL: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf
8. Крысанова Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 23–31.
9. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021. 240 с.
10. Попова А.В., Горохова С.С., Азнагулова Г.М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3(57). С. 37–43.
11. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
12. Radutniy O. E. Criminal liability of the artificial intelligence // Проблемы законности. 2017. Вип. 138. С. 132–141.
13. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 767–775.
14. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7811/АВТОНОМНОСТЬ
15. Ежевская Т.И. Автономность как личностный ресурс информационно-психологической безопасности //

- Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н.Г. Чернышевского. 2011. № 5(40). С. 132–136.
16. Берггольц В.В. Правовой статус и разграничение ответственности при разработке и использовании инструментов искусственного интеллекта // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 6-3(45). P. 23–27.
 17. Гиноид София является подданным Саудовской Аравии. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/София_\(робот\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/София_(робот))
 18. Федорук Е. О наделении искусственного интеллекта авторскими правами: мнения, критерии, тенденции в науке и международной правоприменительной практике // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форума): в 2 т. Т. 2. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 352–358.
 19. Решение по делу Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879. — URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>
 20. Решение по делу Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62. — URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062>
- www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf
8. Krysanova N.V. K voprosu o pravosub'yektnosti i pravovom razvitiy iskusstvennogo intellekta // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo. 2021. No 1. S. 23–31.
 9. Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii: monografiya / otv. red. Y.A. Tikhomirov, S.B. Nanba. M., 2019. 240 s.
 10. Popova A.V., Gorokhova S.S., Aznagulova G.M. Teoretiko-pravovyye podkhody k opredeleniyu sistemy printsipov zakonodatel'nogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta na sovremennom etape razvitiya pravovogo gosudarstva // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. No 3(57). S. 37–43.
 11. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava // Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskiye nauki. 2018. T. 22, No 1. S. 91–109.
 12. Radutnyy O.E. Criminal liability of the artificial intelligence // Problemy zakonnosti. 2017. Vip. 138. S. 132–141.
 13. Begishev I.R., Khisamova Z.I. Kriminologicheskiye riski primeneniya iskusstvennogo intellekta // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2018. T. 12. No 6. S. 767–775.
 14. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7811/AVTONOMNOST'](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7811/AVTONOMNOST)
 15. Yezhevskaya T.I. Avtonomnost' kak lichnostnyy resurs informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti // Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. 2011. No 5(40). S. 132–136.

REFERENCES

1. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies
2. Gayvoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. Gordiyev uz el protivorechiy: tekhnologiya, etika i pravo v voprose o pravosub'yektnosti iskusstvennogo intellekta // Obrazovaniye i pravo. 2020. No 9. S. 196–203.
3. Stepanova A.V. Problematika pravosub'yektnosti iskusstvennogo intellekta // Simvol nauki. 2020. No 2(12). S. 62–67.
4. Shestak V.A., Volevodz A.G. Sovremennyye potrebnosti pravovogo obespecheniya iskusstvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2019. T. 13, No 2. S. 197–206.
5. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25, No 2. P. 155–179.
6. Morkhat P.M. Yunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoye litso // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2018. No 2. S. 61–73.
7. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics // Nishith Desai Associates, May, 2018. — URL: [http://](http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf)

20. Resheniye po delu Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62. — URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062>